ИЗДАТЕЛЬСТВО СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ М. К. ГОРЧАКОВА
«ДОЛОЙ ЗЛО»

В. Безруковъ.

Изъ царства сатаны на свѣтъ Божій

(Захватъ «Утриша»)

«Утришъ» въ Варненскомъ порту.

ПАРИЖЪ.
Rapid-Imprimerie, 12, rue Royer-Collard. - Paris (V)
1927.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Вѣра безъ дѣлъ мертва есть».

Среди мрака преступной, все ширящейся пропаганды пораженчества и непротивленія въ отношеніи борьбы съ большевиками, яркимъ маякомъ свѣтитъ геройскій поступокъ представителей юнаго поколѣнія истинно русскихъ людей. Когда даже часть православнаго духовенства склоняется передъ богоборческой властью, когда обязательство въ отказѣ отъ борьбы съ сатанистами даютъ нѣкоторые іерархи зарубежья — весь смыслъ котораго заключается именно въ этой борьбѣ, — отрадно видѣть, что растутъ и крѣпнутъ настоящія русскія силы, которыхъ не коснулась страшная зараза.

Да послужитъ ихъ геройскій поступокъ примѣромъ для всѣхъ насъ.

Князь М. ГОРЧАКОВЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

НАЦІОНАЛЬНО - МЫСЛЯЩЕЙ

РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Ровно два года тому назадъ восемь смѣльчаковъ, восемь убѣжденныхъ русскихъ людей, прожившихъ нѣсколько лѣтъ подъ властью большевиковъ и понявшихъ, что совдепія — не Россія, что тамъ честному русскому человѣку невозможно жить, не входя на каждомъ шагу въ компромиссы со своей совѣстью и честью, восемь сильныхъ людей, ищущихъ Свѣта и задыхающихся въ царствѣ сатаны, сошли на болгарскую землю; 50 лѣтъ тому назадъ болгарская земля ихъ отцами и дѣдами была освобождена отъ ига чужеземцевъ, отъ жестокостей баши-бузуковъ!

И здѣсь, въ этой обѣтованной землѣ они снова увидали Свѣтъ Божій.

Все великое — просто! И какъ просто повѣствуетъ объ этомъ удивительномъ подвигѣ одинъ изъ участниковъ его. Не было ни мощной поддерживающей ихъ тайной политической организаціи, ни денежныхъ средствъ, ни заговора съ неизбѣжными вдохновителями и исполнителями, но за то не было и, увы, такъ часто всюду проникающихъ предателей: восемь одинокихъ, полуголодныхъ людей, связанныхъ абсолютной увѣренностью другъ въ другѣ и строжайшей дисциплиной въ отношеніи избраннаго ими себѣ въ начальники наиболѣе сильнаго и выдержаннаго изъ нихъ, совершили дѣяніе необычайное!

Какъ часто приходится слышать отъ лицъ, живущихъ внѣ царства сатаны и глубоко ненавидящихъ эту сатанинскую власть, скорбный возгласъ: «да что же мы бѣженцы здѣсь можемъ сдѣлать противъ большевиковъ?» Я бы хотѣлъ, чтобы всѣ они, вспомнивъ, что они не бѣженцы, а эмигранты, прочитали разсказъ о томъ, какъ «Утришъ» изъ совѣтскаго сталъ Русскимъ судномъ, какъ онъ вошелъ подъ національнымъ русскимъ флагомъ въ Варненскую бухту и какъ на вопросъ — «кто и откуда», удивленные болгары услышали — «изъ Севастополя, но не совѣтскій, а русскій!»

Въ царствѣ сатаны ослабѣвшіе духомъ люди имѣютъ въ тысячи разъ больше оправданій, и все же тамъ нашлись «непримиримые», которые показали, что даже и тамъ можно что-то сдѣлать противъ большевиковъ, нанести имъ вредъ и найти почву для борьбы и для побѣды надъ ними.

Сила не въ количествѣ борцовъ и не въ деньгахъ только; залогъ успѣха въ твердо поставленной себѣ цѣли, въ непримиримости участниковъ, въ ихъ взаимной увѣренности другъ въ другѣ, въ дисциплинѣ и въ сознаніи, что они *прежде всего русскіе люди.*

Тѣмъ же, кто подалъ примѣръ всей эмиграціи, этимъ «молодымъ, здоровымъ и прежде всего русскимъ людямъ» — честь и слава!

Е. МИЛЛЕРЪ.

Парижъ, 1-го іюня 1927 года.

ОТЪ АВТОРА

Мы бѣжали изъ страны ужаса, рабства и нищеты, гдѣ грубой силой и дьявольской хитростью растлѣваютъ людскія души и тѣла, гдѣ низость, предательство и подлая жестокость правителей тиранически управляютъ несчастнымъ Русскимъ народомъ.

Тамъ, за роковой смертной чертой, честные русскіе люди давно уже отвыкли улыбаться; тамъ некому защищать честь женщины и спасти ребенка, растущаго преступникомъ или дикаремъ.

Иноплеменные властители попрали и втоптали въ грязь все то, что дорого и свято сердцу и уму честнаго русскаго человѣка. Зло тамъ торжествуетъ.

Да укажетъ намъ, русскимъ изгнанникамъ, Богъ и наша совѣсть пути къ раскрѣпощенію нашихъ братьевъ отъ ига сатанинской власти.

А до тѣхъ поръ будемъ знать и помнить, что пресловутая твердая власть и сила большевиковъ есть миражъ и обманъ, какъ и самое существо ихъ власти.

В. БЕЗРУКОВЪ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПОБѢГУ

Захватъ судна «Утришъ» былъ задуманъ и осуществленъ небольшой группой лицъ, и никто, кромѣ ушедшихъ на «Утришѣ», не былъ посвященъ въ это дѣло.

Наше стремленіе вступить въ Русскую Бѣлую Армію для безпощадной борьбы съ большевиками заставило насъ остановиться на этомъ, не совсѣмъ обычномъ, способѣ переѣзда изъ С. С. С. Р. заграницу. Наша группа состояла изъ восьми человѣкъ. Кромѣ того, съ нами согласилась ѣхать г-жа П. Д. Добровольская съ ребенкомъ, желавшая попасть къ мужу, морскому офицеру, жившему во Франціи. Большевики не разрѣшили ей въ свое время выѣздъ за-границу, поэтому она рѣшила «пройти границу нелегально».

Всѣ мы хорошо знали другъ друга, потому вопросъ о взаимномъ довѣріи — необходимѣйшемъ условіи для удачи такого предпріятія, самъ собой разрѣшался.

Къ моменту бѣгства трое изъ насъ служили на дѣйствительной службѣ въ Красной Арміи, изъ которыхъ двое были мотористами Качинской авіаціонной школы.

Существовали различные проекты побѣга. Въ концѣ концовъ, мы рѣшили использовать «Утришъ», лучшее парусно - моторное судно на Черномъ морѣ.

Предварительныя приготовленія начали еще осенью 1924 года. Быстро пролетѣла зима. Наступилъ мартъ мѣсяцъ. Погода держалась скверная: дождь, грязь, слякоть, туманъ. Какъ извѣстно, время весенняго равноденствія — время штормовъ, но полоса ихъ тогда почему-то еще не наступила.

Съ началомъ весны стали готовиться къ отъѣзду. Прежде всего нужны были денежныя средства. Послѣ долгихъ усилій намъ удалось собрать небольшую сумму. Де-Тиллотъ принужденъ былъ совершить нѣсколько поѣздокъ спекулятивнаго характера, въ результатѣ чего наши рессурсы увеличились на нѣсколько десятковъ рублей. Чтобы не обращать на себя вниманія частыми встрѣчами въ городѣ, мы стали собираться на окраинахъ.

«Утришъ» еще стоялъ на швартовахъ въ Одесскомъ порту, хотя навигація уже началась. Въ скоромъ времени обстоятельства неожиданно такъ сложились, что намъ, во что бы то ни стало, нужно было бѣжать немедленно (де-Тиллотъ на досугѣ взорвалъ пороховой по-

гребъ въ районѣ Севастопольской крѣпости). «Утриша» ждать мы уже не могли. Рѣшено было завладѣть однимъ изъ моторныхъ катеровъ «Крымкурсо» («крымское курортное сообщеніе»), совершавшихъ пассажирскіе рейсы по южному берегу Крыма, и идти въ Болгарію. Рѣшили сѣсть подъ видомъ экскурсантовъ, направляющихся въ Ялту, взявъ съ собой съѣстныхъ припасовъ на недѣлю, и подъ видомъ груза достаточное количество горючихъ и смазочныхъ матеріаловъ.

Группами въ два-три человѣка мы бродили около пристани южнобережныхъ катеровъ Крымкурсо (вдоль Корниловской набережной), и внимательно осматривали небольшія суда. Одно изъ нихъ показалось намъ подходящимъ. Навели справки. Выяснилось, что это быстроходный катеръ съ хорошимъ моторомъ. Вмѣстить онъ могъ, на нашъ взглядъ, человѣкъ тридцать-тридцать пять.

Времени терять было нельзя. Второго мая 1925 г. я отправилъ одному изъ своихъ знакомыхъ за-границу телеграмму: «Télégraphiez à Gabriel, son aide est très nécéssaire». Лицо это, получивъ депешу, предприняло необходимые шаги, и вслѣдствіе этого о нашемъ прибытіи заранѣе были освѣдомлены нужныя лица за-границей. Это намъ впослѣдствіи весьма помогло.

За недѣлю до посадки на катеръ вбѣгаетъ Джонъ и объявляетъ, что пришелъ «Утришъ». По моему предложенію планъ бѣгства на катерѣ оставляется и мы возвращаемся къ первоначальному рѣшенію — захватить «Утришъ». Рѣшено было взять судно на третьемъ рейсѣ.

Парусно-моторное судно «Утришъ» (въ прошломъ китоловное судно, впослѣдствіи «Иванъ Бургардъ»), принадлежавшее совѣтскому «Государственному Черноморско-Азовскому Пароходству» («Госчап»), совершало регулярные товаро-пассажирскіе рейсы между Одессой и Севастополемъ съ заходомъ во всѣ промежуточные порты: Евпаторію, Акъ-Мечеть, Хорлы. Скадовскъ, Очаковъ. Судно это новѣйшей конструкціи, желѣзное, съ превосходнымъ нефтянымъ моторомъ (полудизель), въ 120 лош. силъ, дающее безъ парусовъ максимумъ 9,5 узловъ.

Большевики «національзировали» «Утришъ» у владѣльца, заново отремонтировали его и поставили новый моторъ.

Чтобы обмануть бдительность Г. П. У. (за нами велась усиленная слѣжка), трое изъ насъ, которымъ особенно опасно было садиться въ Севастополѣ, должны были ѣхать поѣздомъ въ Евпаторію и тамъ сѣсть на судно. Пятеро же остальныхъ и дама съ дѣвочкой должны были отправляться изъ Севастополя. Билеты были куплены въ разныя мѣста побережья.

Мы были вооружены револьверами разныхъ системъ, которые съ небольшимъ количествомъ патроновъ, спрятали въ нашихъ вещахъ, и только у одного, за неимѣніемъ револьвера, былъ финскій ножъ.

ОТЪ СЕВАСТОПОЛЯ ДО ТАРХАНКУТА

Двѣнадцатаго мая, въ 9 часовъ утра мы съ П-вымъ выѣхали въ Симферополь. Тамъ насъ долженъ былъ ждать де-Тиллотъ. Онъ насъ встрѣтилъ около вокзала, и мы втроемъ отправились въ гостинницу. Документы наши были въ относительномъ порядкѣ. Взяли дешевенькій номеръ на окраинѣ города, гдѣ и переночевали. На слѣдующій день рано утромъ мы отправились на симферопольскій вокзалъ. Пошли не позавтракавъ, такъ какъ опасались, что не хватитъ денегъ на покрытіе дальнѣйшихъ расходовъ. Была надежда, что наши пріятели, оставшіеся въ Севастополѣ, позаботятся о продовольствіи.

На вокзалѣ публики было немного. Пока П-въ бралъ билеты, двое какихъ-то чекистовъ изъ желѣзнодорожнаго отдѣла Г. П. У. внимательно за нами наблюдали. Затѣмъ, обмѣнявшись между собою нѣсколькими замѣчаніями, они куда-то скрылись. Когда мы сѣли въ поѣздъ, чекисты вновь появились на перронѣ и глазами кого-то искали. Несмотря на то, что мы благополучно мчались въ курортномъ поѣздѣ въ Евпаторію, самочувствіе наше было не изъ пріятныхъ. Въ прошломъ за нами числился рядъ тяжелыхъ, съ точки зрѣнія сов. власти, преступленій; при насъ имѣлось оружіе и компрометтирующіе документы.

Тѣмъ временемъ «Утришъ», простоявъ положенное время въ севастопольскомъ порту, къ 10-ти час. утра началъ отдавать швартовы. Безмолвно, никому не замѣтные, сидѣли въ разныхъ частяхъ корабля пятеро неизвѣстныхъ молодыхъ людей. Была еще нѣкая дама съ маленькой дѣвочкой. Отойдя отъ пристани и развернувшись, «Утришъ» прибавилъ ходу. Все ближе и ближе выходъ изъ Южной бухты въ Сѣверную. Справа по кормѣ остался Малаховъ курганъ. . .

Нашъ поѣздъ шелъ довольно быстро. Прибывъ въ Евпаторію, мы отправились къ пристани «Госчапа» (б. Русскаго Общества Пароходства и Торговли), гдѣ долженъ былъ ошвартоваться «Утришъ». На пристани, среди немногочисленной публики, расхаживало нѣсколько чекистовъ въ формѣ. Двухъ изъ нихъ мы встрѣчали въ Севастополѣ. Въ голову полѣзли назойливые вопросы: не извѣстно ли Г. П. У. о нашемъ замыслѣ? Пріѣдутъ ли наши друзья? Можетъ быть, они уже арестованы?!

Переложили револьверы изъ чемодановъ въ карманы. Взяли билеты въ Хорлы. Денегъ едва-едва хватило. Стараясь быть незамѣтнѣе, съ нетерпѣніемъ ждемъ прихода судна. Томительно протянулся цѣлый часъ. Но вотъ, слѣва на горизонтѣ показалась точка. П-въ вышелъ посмотрѣть на подходившее судно. Это была парусная лайба. Около 2 ч. 30 м. дня показалось опять судно въ томъ же направленіи. Мы не выдерживаемъ и по очереди выходимъ изъ зданія морского агентства на пристань. «Утришъ», красиво разсѣкая волны, быстро приближался. Нашихъ ни-

кого не видно. — Быть или не быть? — Вглядываемся пристальнѣе. Одного узнали: это былъ К-въ. Онъ высунулся, чтобы дать знать о себѣ и посмотрѣть, пріѣхали ли мы. Вскорѣ увидѣли и остальныхъ. Они сидѣли такъ, что ихъ съ берега почти не было видно. Размѣстившись въ разныхъ частяхъ судна, они не обращали другъ на друга ни малѣйшаго вниманія.

Чекисты все еще находились на пристани. Повидимому, на наше счастье, мы не показались имъ подозрительными. Къ тому времени поголовная провѣрка документовъ и багажа пассажировъ уже не производились. Спеціальные пропуски были также отмѣнены.

Стали грузиться. Команда помогла намъ перенести чемоданы. Непріятное открытіе: и команда, и администрація «Утриша» были все здоровые и крѣпкіе люди. Если дѣло дойдетъ до рукопашной, — намъ не сдобровать.

Прошло еще томительныхъ полтора часа. Наконецъ то, гудокъ. Собака капитана, завертѣвшись волчкомъ стала ловить свой хвостъ, оказывается, она всегда такъ въ торжественные моменты. Второй гудокъ. Третій. Отдали концы. «Утришъ» сталъ отходить. Собака все еще вертѣлась. Пристань, дома, церковь, люди, чекисты, все это постепенно ушло назадъ.

Мы вошли въ Акъ-Мечеть около 5-ти час. вечера. Кромѣ насъ восьмерыхъ и дамы съ ребенкомъ, на борту находились: 15 чел. администраціи и команда (капитанъ, два помощника, боцманъ, три моториста, трое рулевыхъ, два матроса, какъ и ученики — практиканты) и 12 настоящихъ пассажировъ. Какъ потомъ оказалось, среди команды было четыре коммуниста (рулевой — профуполномоченный и мотористы) и 2 комсомольца (ученики - практиканты). Всѣ же остальные, включая и пассажировъ, были безпартійными. Среди пассажировъ было нѣсколько моряковъ, 2-3 купца, фельдшеръ, женщины и дѣти.

Предчувствуютъ ли всѣ эти люди, что имъ готовятъ ближайшіе часы?

Невдалекѣ отъ меня находился Джонъ. — «Купили вы въ Севастополѣ провизіи?» — «Кажется нѣтъ», отвѣтилъ Джонъ хмуро, «впрочемъ, спроси М-ра .Онъ этимъ завѣдывалъ. А вы чѣмъ запаслись?» — «Ничѣмъ, едва хватило денегъ на билеты. Не ѣли съ ранняго утра».

Вскорѣ выяснилось, что у М-ра также не хватило денегъ для закупки продовольствія. Итакъ, предстояла длительная голодовка. «Нечего сказать, пріятная перспектива», проворчалъ Джонъ, «легко сказать, не ѣшь до ночи». Спохватившись, онъ отошелъ и сдѣлалъ видъ, что нашъ разговоръ былъ совершенно случайнымъ.

Я подошелъ къ Гарри. — «Знаешь, Валентинъ», сказалъ онъ, не глядя на меня, «я жду не дождусь момента, когда смогу открыть ураганный огонь». Я удивился: «Послушай, Гарри, насколько мнѣ извѣстно,

у тебя весьма ограниченное количество патроновъ». — «Болѣе чѣмъ ограниченное», уныло протянулъ мой прiятель, «одинъ единственный и, кромѣ того, мой бульдогъ почти всегда даетъ осѣчку».

Несмотря на трагичность положенiя, я чуть не прыснулъ со смѣху, на что Гарри криво усмѣхнулся. «Послушай, отчего же ты не прiобрѣлъ финскiй ножъ?» — «Я думалъ, да не было денегъ. Джонъ оказался счастливѣе». Я незамѣтно отошелъ.

Вдругъ мимо меня съ радостнымъ видомъ пронесся де-Тиллотъ. «Валентинъ, у меня въ карманѣ кусокъ пирога; я о немъ и забылъ. Съѣдимъ, что ли, и угостимъ П-ва». Я не заставилъ себя уговаривать. Остальнымъ не дали, чтобы не обнаруживать нашего знакомства. Къ тому же передъ отъѣздомъ изъ Севастополя всѣ они плотно поѣли.

— «Вотъ болгары удивятся», услышали мы неподалеку шопотъ П-ва, «когда Красная армiя къ нимъ пожалуетъ». — «Прошу выражаться осторожнѣе», замѣтилъ А-въ, бывш. взводный командиръ конницы Жлобы: «что было, то прошло». — «Ну, ладно, не сердись, я пошутилъ», сказалъ П-въ. Мы снова разошлись.

«Утришъ» все больше удалялся отъ берега. Рѣшили захватить судно, когда мысъ Тарханкутъ окажется на траверзѣ. Распредѣлили роли. Руководилъ захватомъ де-Тиллотъ. Въ инициативную группу, кромѣ него, входили я и М-ръ.

На суднѣ нѣкоторые изъ насъ, я въ томъ числѣ, переодѣлись въ форму совѣтскихъ военныхъ летчиковъ, съ голубыми нашивками. На это у насъ были свои причины. Бывшiе на палубѣ матросы и пассажиры, какъ показалось намъ, замѣтили эту перемѣну.

Море было спокойно. День былъ ясный, но прохладный. Къ вечеру дали стали мглиться. Шли полнымъ ходомъ въ большомъ отдаленiи отъ берега (7-8 миль). Мысъ Тарханкутъ былъ недалеко. Мимо прошелъ океанскiй совѣтскiй пароходъ «Трансбалтъ». Солнце садилось.

Капитанъ, старый морской волкъ, бесѣдовалъ о чемъ-то со вторымъ помощникомъ. Время отъ времени одинъ изъ мотористовъ выходилъ на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ. Кокъ готовилъ ужинъ для администрацiи и команды. Команда и пассажиры занимались каждый своимъ дѣломъ. Фельдшеръ, возившiйся со своей походной аптечкой, предложилъ одному изъ пассажировъ — штурману дальняго плаванiя, какое-то средство отъ мучившей его зубной боли. «Да поймите вы», говорилъ онъ, «что капли эти я принималъ сотни разъ, и всегда безъ результата. «Нѣтъ, нѣтъ, не спорьте, эти капли хотя и отъ желудочныхъ заболѣванiй, но помогаютъ также и отъ зубной боли. Нужно только какъ слѣдуетъ приложить къ болящему мѣсту пропитанный шарикъ изъ ваты». Морякъ болѣе не прекословилъ, и принялся было старательно запихивать въ ротъ вату.

— «Ваня», послышался голосъ изъ моторнаго помѣщенiя, «скоро ли

приготовишь ужинъ?» — «Подождешь», отвѣтилъ кокъ, «когда будетъ готово, — скажу». — «То-то, живѣе поворачивайся, ѣсть хочется». — «Это ты мнѣ, живѣе поворачивайся», разсвирипѣлъ кокъ; «васъ тутъ цѣлая орава и каждый кричитъ: скорѣе, скорѣе. Да развѣ на васъ угодишь? Побыли бы вы въ моей шкурѣ, узнали бы, что значитъ быть кокомъ». — «Ваня, а ты его по зубамъ», насмѣшливо произнесъ комсомолецъ, проходя мимо. «Ну, а ты что присталъ, молокососъ этакій», накинулся на него кокъ, «вотъ отдеру тебя, какъ слѣдуетъ, будешь знать, какъ вмѣшиваться не въ свои дѣла». — «Да я, Ваня, пошутилъ», сказалъ комсомолецъ, «я знаю, что тебѣ морду всѣ бьютъ, а ты никому». «Правильно», отозвался профуполномоченный, стоявшій поблизости; «Ваня, по добротѣ своей и муху не обидитъ». Вокругъ послышался смѣхъ. «Убирайтесь вы ко всѣмъ чертямъ», заоралъ кокъ; «какъ придемъ въ Одессу, обязательно сбѣгу съ этого проклятаго судна и найду что-либо получше. Съ этими хамами служить нѣтъ никакой возможности». — «Не сбѣжишь, Ваня», хладнокровно замѣтилъ одинъ изъ рулевыхъ, «мѣста нынче на улицѣ не валяются. Коли имѣешь кусокъ хлѣба, держись за него руками и ногами, если ты не дуракъ». Взбѣшенный кокъ скрылся въ камбузѣ.

Нѣсколько минутъ спустя оттуда раздался грохотъ разбитой посуды, собачій визгъ и яростный ревъ кока. Изъ камбуза вылетаетъ, растилаясь по палубѣ, несчастный песъ съ кускомъ мяса въ зубахъ. Вдогонку несутся осколки тарелокъ, деревянныя ложки и, наконецъ, самъ кокъ. Собака исчезаетъ въ каютъ-компаніи, куда кокъ не дерзаетъ послѣдовать. — «Ты, Ваня, что то очень разсѣянъ сегодня», замѣчаетъ боцманъ. Кокъ, не отвѣчая, скрывается въ камбузѣ.

Запахъ вкусныхъ блюдъ дѣйствуетъ раздражающе. Голодъ все болѣе даетъ себя чувствовать. Мы съ тоской наблюдаемъ, какъ уничтожался сытный обѣдъ. Джонъ засматриваетъ въ каюты. Негодованіе на неравномѣрное распредѣленіе корабельныхъ благъ написано на его лицѣ. Онъ становится все мрачнѣе.

Одинъ изъ матросовъ подсѣлъ къ К-ву и М-ру и сталъ съ ними заговаривать. М-ръ угостилъ его виномъ и это окончательно развязало матросу языкъ. Мы получили рядъ цѣнныхъ свѣдѣній объ администраціи и командѣ.

Окончательно стемнѣло. Зажжены огни. Тарханкутскій маякъ ярко свѣтитъ справа по носу. Виднѣются на берегу и другіе огни.

Капитанъ, пріятный человѣкъ, какъ истый джентльменъ, предложилъ г-жѣ Добровольской съ дѣвочкой одну изъ каютъ, но она поблагодарила и предпочла оставаться на палубѣ. Онѣ расположились на ютѣ. Дѣвочкѣ холодно, и мать заботливо ее укутываетъ...

Подходя къ Тарханкуту и готовясь его обогнуть, судно стало при-

ближаться къ берегу, и дальнѣйшій курсъ его былъ вблизи берега, — не далѣе 1-ой-2-хъ миль разстоянія.

Надо было покончить дѣло до поворота на Акъ-Мечеть.

Главную задачу — арестъ капитана и старшаго помощника, взялъ на себя де-Тиллотъ. М-ръ долженъ былъ ему помогать. Въ мое вѣдѣніе поступила корма судна, гдѣ у штурвала стоялъ рулевой и откуда былъ входъ въ каюты. Мои помощники Гарри и Джонъ. Невдалекѣ, въ боковыхъ проходахъ, стали К-въ и П-въ. Около трюма, у входа въ моторное помѣщеніе расположился А-въ. На бакъ послать было некого, — не хватало людей.

ЗАХВАТЪ «УТРИША»

Было холодно. Всѣ мы надѣли шинели. Чтобы согрѣться, нѣкоторые изъ насъ выпили немного вина (у М-ра былъ небольшой запасъ). М-ръ предложилъ по стакану вина капитану и второму помощнику, но тѣ поблагодарили и отказались. Скоро капитанъ и ст. помощникъ спустились въ каюты. Второй помощникъ стоялъ на вахтѣ на капитанскомъ мостикѣ. Большая часть команды находилась наверху, остальные были въ кубрикѣ. Пассажиры расположились на доскахъ, которыми былъ накрытъ трюмъ.

Было около 9-ти час. вечера. Наверху всѣ посты нами уже заняты. Пора начинать. Съ Богомъ! Де-Тиллотъ, вооруженный большимъ «стейеромъ», спустился въ капитанскую каюту. За де-Тиллотомъ спустился М-ръ. Уже на трапѣ де-Тиллотъ вогналъ патронъ въ стволъ, и курокъ громко щелкнулъ.

Условлено было, что нами наверху ничего не будетъ предпринято до тѣхъ поръ, пока де-Тиллотъ и М-ръ не сообщатъ, что у нихъ внизу благополучно.

Войдя въ каюту спящаго капитана, де-Тиллотъ разбудилъ его и нацѣливъ револьверъ, сказалъ:

— Сообщаю вамъ, что мы, группа врангелевцевъ, мѣняемъ курсъ и идемъ къ болгарскимъ берегамъ.

«Что вамъ угодно? — переспросилъ капитанъ, вскакивая и протирая глаза.

«Сообщаю вамъ, что мы, группа врангелевцевъ, мѣняемъ курсъ и идемъ къ болгарскимъ берегамъ».

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пригласилъ капитанъ.

— Благодарю васъ. Есть ли на суднѣ оружіе?

— Оружія нѣтъ.

— Сейчасъ будетъ произведенъ обыскъ и, если будетъ найдено оружіе, вы будете разстрѣляны. Есть ли оружіе у команды?

— Нѣтъ. . . нѣтъ. . .

— Если у команды будетъ найдено оружіе, вы получите пулю въ лобъ, — заявилъ де-Тиллотъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ капитанъ, — ручаться не могу. Оффиціально ни у кого нѣтъ, а неоффиціально, — можетъ быть и есть.

— Хорошо. Прокладывайте курсъ на Варну.

Капитанъ выкладываетъ изъ шкафа карты, роняетъ ихъ на полъ и никакъ не можетъ найти ту, которая ему нужна. — Въ сущности, это дѣло старшаго помощника... — бормочетъ онъ.

Войдя вмѣстѣ съ М-ръ въ каюту ст. помощника, разбудили и его. Подъ угрозой револьверами, тотъ далъ приблизительно тѣ же свѣдѣнія, что и капитанъ. Ихъ соединили вмѣстѣ; карта отыскалась, и сообща они стали прокладывать требуемый курсъ.

Вдругъ открылась дверь каюты и вошелъ старшій мотористъ. — «Руки вверхъ»! — закричалъ де-Тиллотъ. Мотористъ остолбенѣлъ, но повиновался. Его обыскали; оружія при немъ не оказалось. — «Если моторъ будетъ испорченъ, все равно кѣмъ и почему, вы будете разстрѣляны; не забывайте, что вы коммунистъ».

Пока де-Тиллотъ, еще въ Севастополѣ изучившій главнѣйшія правила судовожденія, а также устройство и дѣйствіе судовыхъ компасовъ, наблюдалъ за прокладкой курса, М-ръ получалъ отъ моториста свѣдѣнія о состояніи судового мотора. Самъ будучи мотористомъ, М-ръ, въ случаѣ необходимости, могъ при помощи А-ва, тоже моториста, справиться съ работой по уходу за моторомъ.

Дверь снова открылась и вошелъ профуполномоченный, бывшій посредникъ между профессіональнымъ союзомъ и судномъ, а также между командой и администраціей. Этотъ также былъ арестованъ, оружія при немъ также не было.

Всѣ четверо были крайне испуганы, но старались владѣть собой, что, однако, удавалось имъ весьма плохо.

Мы всѣ на верху не знали, что и думать. Прошло почти полчаса, а снизу сигнала никакого не было. Подошелъ К-въ, и мы съ нимъ и съ Гарри обмѣнялись тревожными предположеніями о томъ, что творится внизу. Нервы наши были напряжены до крайности.

Между тѣмъ команда почувствовала что-то неладное. Похоже было, что они приняли насъ за агентовъ Г. П. У., производящихъ обыскъ на суднѣ (чекисты носятъ зеленыя нашивки; наши голубыя отъ времени выцвѣли и казались тоже зелеными). Отчасти укрѣпить ихъ въ этой мысли могло также то обстоятельство, что де-Тиллотъ, при входѣ въ каюту капитана, громко щелкнулъ револьверомъ.

Спустя нѣкоторое время второй помощникъ спустился съ мостика и, сказавъ нѣсколько словъ рулевому, поднялся на прежнее мѣсто. Его словъ мы не разслышали, но такъ какъ судно послѣ этого стало брать вправо, мы заключили, что догадавшійся помощникъ, приказалъ

вести «Утришъ» къ берегу. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ поворотъ вполнѣ отвѣчалъ правильному курсу судна.

Рулевой (профуполномоченный), которому многое казалось весьма подозрительнымъ, неоднократно отрывался отъ штурвала и заглядывалъ въ каютъ-компанію, дверь которой оставалась открытой до тѣхъ поръ, пока де-Тиллотъ не приказалъ старшему помощнику закрыть ее. Самъ онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ не зналъ, что дверь у входного люка закрывалась при помощи особыхъ крючковъ сверху и снизу. Еще ранѣе, услышавъ щелканіе револьвера да-Тиллота, рулевой сообщилъ объ этомъ ходившей по палубѣ командѣ; затѣмъ, сдавъ вахту своему замѣстителю, и рѣшивъ, какъ лицо оффиціальное, присутствовать при обыскѣ, онъ спустился въ каюту капитана. Въ этомъ мы ему не помѣшали, такъ какъ опасались преждевременно поднять тревогу.

И вотъ тутъ-то мы увидѣли, какъ трудно было привести въ исполненіе намѣченный ранѣе планъ захвата судна. Де-Тиллотъ и М-ръ могли быть убиты внизу въ то время, какъ мы наверху теряли драгоцѣнныя минуты. А приходъ судна въ Акъ-Мечеть означалъ бы нашу гибель и провалъ всего предпріятія.

Вдругъ я замѣтилъ, что вахтенный рулевой съ ужасомъ на меня смотритъ. Только потомъ выяснилось, что изъ прорваннаго кармана моей шинели выглядывало дуло «нагана».

Дальнѣйшее ожиданіе становилось невозможнымъ, и К-въ по собственному рѣшенію спустился въ каютъ-компанію. По его просьбѣ, я незамѣтно сунулъ ему свой наганъ, оружіе болѣе надежное, получивъ въ обмѣнъ его браунингъ.

Пріоткрывъ дверь въ каютъ-компанію, и увидѣвъ, что де-Тиллотъ и М-ръ цѣлы и невредимы, К-въ спросилъ: «Ну, какъ у васъ тамъ?» — «Все въ порядкѣ», отвѣтилъ де-Тиллотъ. — «Оружіе есть?» — «Нѣтъ». — А у команды»? — «Тоже нѣтъ».

Тогда К-въ съ поднятымъ револьверомъ бросился наверхъ. Выхватилъ револьверъ и я, и мы оба закричали рулевому: — «лѣво на бортъ!» Затѣмъ К-въ бросился на капитанскій мостикъ и, арестовавъ второго помощника спустилъ его въ трюмъ.

Рулевой, между тѣмъ, медлилъ. Стоявшій рядомъ со мною Гарри выхватилъ свой револьверъ. Рулевой сказалъ: — «Безъ разрѣшенія капитана мѣнять курсъ не могу». Я еще разъ крикнулъ: — «больше не повторю! Лѣво на бортъ». Рулевой повиновался. Въ это время изъ бокового прохода выскочилъ съ револьверомъ въ рукѣ П-въ.

Услыхавъ шумъ наверху, де-Тиллотъ заперъ четырехъ арестованныхъ въ капитанской каютѣ и, взявъ ключъ съ собой, вмѣстѣ съ М-ромъ бросился наверхъ.

Необходимо было, арестовавъ команду и пассажировъ, произвести въ кубрикѣ обыскъ. Оставивъ Гарри своимъ замѣситтелемъ на ютѣ, я

вмѣстѣ съ остальными, бросился къ трюму. Перепуганные пассажиры накрылись одѣялами и лежали безъ движенія. Такъ какъ очевидно было, что они люди безобидные, то мы успокоивъ ихъ, пока не тревожили. Быстро были арестованы и посажены въ трюмъ люди изъ команды, находившіеся на палубѣ.

Въ это время де-Тиллотъ замѣтилъ, что съ судномъ творится что-то неладное. Оказалось, что рулевой, исполнивъ приказаніе: «лѣво на бортъ», не отвелъ руля, и судно, какъ волчокъ, описывало рядъ циркуляцій (капитанъ позже говорилъ, что мы едва въ тотъ моментъ не налетѣли на прибрежные камни).

Де-Тиллотъ бросился къ рулевому и приказалъ итти на Вестъ. Рулевой снова заколебался: — «а мнѣ за это ничего не будетъ?» — «Ничего, ничего, не безпокойтесь». Рулевой исполнилъ приказаніе, и судно, въ послѣдній разъ описавъ дугу, стало удаляться отъ Крымскихъ береговъ. Затѣмъ двое изъ нашихъ ворвались въ кубрикъ и арестовали четырехъ матросовъ, находившихся тамъ. Послѣдніе страшно перепугались, когда имъ крикнули: «руки вверхъ», и не оказали никакого сопротивленія.

Въ кубрикѣ былъ произведенъ тщательный обыскъ, но и тамъ оружія не нашли. Матросовъ выводили по одному наверхъ и сдавали мнѣ; я же препровождалъ ихъ въ трюмъ. Всѣ они были крайне испуганы. Особенно волновался кокъ, который почему-то вообразилъ, что его хотятъ разстрѣлять въ первую очередь. Тщетно мы успокаивали его. Онъ умолялъ пощадить его ради жены и дѣтей. Джонъ, вооруженный ножемъ, произвелъ на кока особенно сильное впечатлѣніе.

Тѣмъ временемъ нами была уничтожена политическая литература, хранившаяся въ судовой библіотекѣ, и провѣрены документы у команды.

Вскорѣ спустили въ трюмъ и пассажировъ. Нашу спутницу съ ребенкомъ препроводили туда немного позже, причемъ М-ръ умышленно грубо крикнулъ ей: — «Что вы шляетесь взадъ и впередъ. Сидите въ трюмѣ и не вылѣзайте».

Я и П-въ еще разъ успокоили пассажировъ, сказавъ имъ, что бояться имъ нечего, такъ какъ мы не бандиты, а солдаты Русской Арміи.

Любопытный разговоръ произошелъ у меня со старушкой — пассажиркой.

— «Вы билы?» — «Билы». — Я - жъ думала, шо билы уси утикли, а воны утиклы та не уси. А насъ мабуть не разстрѣляютъ?» — Я ее успокоилъ. — «А колы мы доидымо до Хорливъ?» — «Мы совсѣмъ туда не пріѣдемъ, а вы будете тамъ, вѣроятно, черезъ нѣсколько недѣль». — «А я думала завтра зранку буты у Хорливъ». Пауза. — «И чого я тильки поѣхала на цимъ судни? Я маю невистку въ Хорлахъ. Вона до мене нысала, шо-бъ я проихала до ней. Я и хотила ихаты на потягу

(поѣздъ). Невистка якъ узнала, то и написала: не изжайте потягомъ, а то заплутаетесь. Ну я и сила на пароходъ, и на-жъ тоби. Восемдесятъ рокивъ жыву на свити, ныколы по морю не издыла, а теперячки, на старости поихала, и не заплуталась, а не туды приихала, куды треба. Усимъ своимъ дитямъ и унукамъ буду казать, шо-бъ ниволы ны издылы на пароходи».

Когда г-жа Добровольская спустилась въ трюмъ, всѣ находившіеся тамъ бросились къ ней, спрашивая, о чемъ мы съ ней разговаривали наверху, и кто мы такіе. Наша спутница, притворившись крайне испуганной, заявила: — «Да развѣ съ ними можно разговаривать. Вѣдь ихъ человѣкъ двадцать, и у каждаго по два револьвера. Кто они — неизвѣстно: говорятъ бѣлые».

Возлѣ трюма была поставлена охрана.

«Утришъ» былъ въ нашихъ рукахъ.

ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ

Минута была жуткая... Что, если съ берега замѣтятъ нашъ уходъ. Не замѣтить было трудно, тѣмъ болѣе, что мы повернули съ зажженными огнями. Не говоря уже о пограничной береговой охранѣ и спеціальныхъ катерахъ, предназначенныхъ для ловли контрабанды, между Тендровской косой, гдѣ находился тогда сов. военный флотъ, бывшій въ практическомъ плаваніи, и Севастополемъ, постоянно шныряли небольшія суда спеціальнаго назначенія, служившія для связи. Мы могли быть очень легко открыты.

Вызвали изъ трюма одного изъ команды, чтобы потушить огни. «Такой-то». Молчаніе (слышно, какъ въ трюмѣ кто-то произнесъ: имя и фамилію знаютъ»).— Такой-то, выходи». — «Да я-жъ ничего, безпартійный; развѣ я что-нибудь такое». — «Выходи, говорятъ тебѣ; туши огни». Матросъ медленно сталъ подыматься по трюмному трапу, бормоча: «вотъ идешь, а на что идешь, и самъ не знаешь». На полпути остановился. Обернулся. «Братцы, ежели со мной что случится, не поминайте лихомъ». Голосъ изъ трюма: «да ты иди, чего ждешь». Идущій разсвирѣпѣлъ. — «Какъ чего ждешь?! Самъ иди, дуракъ». Наконецъ, профуполномоченный (это былъ онъ) поднялся на палубу и потушилъ огни на всемъ суднѣ, послѣ чего его снова спустили въ трюмъ. Вскорѣ туда же отправили и отстоявшаго вахту рулевого, котораго наверху смѣнилъ профуполномоченный.

Смѣнившись съ вахты, рулевой, спустившись въ трюмъ, увидѣлъ г-жу Добровольскую и мрачно сказалъ: — «Вотъ эта дама видѣла, что я пережилъ, когда одинъ изъ нихъ крикнулъ мнѣ: «Больше не повторю. Лѣво на бортъ». Г-жа Добровольская поддержала его, сказавъ: «Да, вы пережили много».

Съ флагштока былъ сорванъ красный флагъ и выброшенъ въ море. Мы расположились въ кубрикѣ. Половина отдыхала, а остальные занимали посты наверху. Администрація и часть команды содержались подъ арестомъ, мотористамъ же и рулевымъ было приказано остаться при исполненіи своихъ обязанностей.

Безпартійные матросы и пассажиры отнеслись въ общемъ ко всему происшедшему внѣшне спокойно. Совсѣмъ иначе держали себя коммунисты. Животный страхъ выражался на ихъ лицахъ. Не одно гнусное убійство изъ за угла лежало, безъ всякаго сомнѣнія, на душѣ каждаго изъ нихъ. Мы не желали марать рукъ въ крови этихъ негодяевъ безъ особой необходимости. Кромѣ того, у насъ были на это свои соображенія.

Пока все въ порядкѣ. Хорошо, если удастся уйти незамѣченными. Если же нѣтъ, — короткая перестрѣлка и блестящій фейерверкъ. «Утришъ» никогда ужъ не увидитъ берега.

Неожиданно къ горлу подкатывается клубокъ. Въ чемъ дѣло? Самъ себя не могу понять. Грустно, но почему? Что я терялъ? Вѣдь я уходилъ отъ рабства на волю. Кошмаръ оставался позади; впереди же свѣтлыя ожиданія. Но вдругъ сразу понялъ. — Я покидалъ Родину.

Проходя по палубѣ, я замѣтилъ, что сигнальный огонь около спасательной шлюпки продолжаетъ горѣть, причемъ свѣтилъ онъ довольно странно, — вспыхивая и угасая. Опасаясь, что это сигналъ тревоги по азбукѣ Морзе, Н-въ вывинтилъ лампочку и выбросил ее въ море.

Послѣ поворота судно еще около часа шло въ западномъ направленіи. Пройдя миль десять, мы взяли еще лѣвѣе и пошли новымъ курсомъ Зюйдъ-Вестъ 54 градуса, къ Варнѣ. Счисленіе было сдѣлано капитаномъ и провѣрено де-Тиллотомъ. Рѣшили изобразить потопленіе судна и съ этой цѣлью выбросили въ море одинъ изъ спасательныхъ круговъ.

Береговые огни уже скрылись. Одинъ маякъ еще свѣтилъ довольно ярко, но вотъ и онъ сталъ едва замѣтенъ, превратившись въ свѣтящуюся точку, но точка эта свѣтила еще въ теченіе долгаго времени. Наконецъ, скрылась и она.

Опять приступъ острой тоски. Мои спутники переживали, повидимому, то же, что и я.

Капитанъ спросилъ де-Тиллота: «вы морякъ?» — «Да, по необходимости». Замѣтивъ у де-Тиллота маленькій компасъ, капитанъ снова спросилъ: — «неужели вы думаете вести судно по этому компасу? Уберите вашу пушку (револьверъ) и вы замѣтите отклоненіе стрѣлки». — «Совершенно вѣрно, г-нъ капитанъ», отвѣтилъ де-Тиллотъ, «но мнѣ этотъ компасъ нуженъ для того, чтобы во всякое время, въ любомъ мѣстѣ я огъ опредѣлить курсъ судна, хотя бы приблизительно».

Казалось, все намъ благопріятствовало, даже мгла, превратившаяся въ туманъ.

Де-Тиллотъ распорядился, чтобы каждые два часа мѣнялась вахта у штурвала и въ машинѣ. Вездѣ былъ наведенъ полный порядокъ. Подъ дулами револьверовъ приказанія выполнялись съ чрезвычайнымъ усердіемъ. О господствовавшихъ въ командѣ настроеніяхъ можно судить по слѣдующему факту. Когда одинъ матросъ, обратившись съ какой-то просьбой къ де-Тиллоту, назвалъ его «гражданиномъ», другой поправилъ: — «не гражданинъ, а господинъ или Ваше Высокоблагородіе».

Чудная ночь. Вѣтеръ то дуетъ порывами, то стихаетъ. Слухъ необычайно воспріимчивъ. Гулко и равномѣрно работающій моторъ дѣйствуетъ на нервы. Хочется тишины, покоя. Или, можетъ быть, это только реакція, послѣ недавняго напряженія? Ночь темна, но не непроглядна. Кое-гдѣ слабо мерцаютъ звѣзды. Холодно. Я поднялъ воротъ шинели. Взглянулъ на часы: 11 ч. 5 м.

«Утришъ» идетъ на славу. Чуть видна тѣнь за кормой. Я не морякъ, но чувствую нѣчто подобное нѣжности къ этому судну, несущему насъ къ новой жизни.

Черезъ часъ-полтора послѣ захвата судна, я спустился въ каютъ-компанію. Въ ней, кромѣ капитана и помощниковъ находились де-Тиллотъ и М-ръ. Пожелавъ добраго вечера, присутствовавшимъ, я вложилъ наганъ въ висѣвшій на поясѣ кобуръ и усѣлся поудобнѣе.

Въ каютѣ было тепло и уютно.

Капитанъ и помощники, хотя и были страшно потрясены происшедшимъ, но понемногу стали примиряться съ неизбѣжнымъ Слѣдуетъ замѣтить, что капитанъ вполнѣ овладѣлъ собой и держался съ полнымъ достоинствомъ. Онъ совѣтовалъ намъ итти въ румынскій портъ Констанцу, мотивируя свое предложеніе недостаточнымъ количествомъ горючихъ и смазочныхъ матеріаловъ. Несмотря на то, что парусовъ тогда на суднѣ не было (находились въ починкѣ на берегу), мы категорически отказались, такъ какъ опасались, что румыны выдадутъ насъ большевикамъ. Опасенія наши вовсе не безосновательны. Мы знали о вѣроломствѣ румынъ и о ихъ ненависти ко всѣмъ, безъ исключенія русскимъ. Румыны неоднократно выдавали большевикамъ вынужденныхъ бѣжать изъ сов. Россіи русскихъ эмигрантовъ.

«Господа», обратился де-Тиллотъ къ капитану и его помощникамъ, «считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, что, если вамъ дорога жизнь, — не пытайтесь насъ перехитрить, точнѣе — не пробуйте пойти вмѣсто Варны въ другое мѣсто. Если это произойдетъ, вы будете немедленно разстрѣляны».

Здѣсь я невольно вспомнилъ о печальномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣ-

сто незадолго до нашего побѣга. Группа русскихъ офицеровъ сѣла на парусное судно, шедшее изъ Новороссійска въ Батумъ. Въ открытомъ морѣ офицеры завладѣли кораблемъ съ цѣлью бѣжать въ Турцію. Однако неумѣніе оріентироваться въ морѣ погубило ихъ. Капитанъ съумѣлъ привести судно въ Батумъ, увѣряя ихъ до послѣдняго времени, что судно находится у турецкихъ береговъ. Офицеры были схвачены батумской Чекой и разстрѣляны послѣ невѣроятныхъ пытокъ и издѣвательствъ.

Капитанъ поспѣшилъ насъ завѣрить въ томъ, что будетъ точно исполнять всѣ наши приказанія и отдастъ командѣ соотвѣтствующее распоряженіе. Помощники его высказались въ томъ же духѣ.

Второй помощникъ, между прочимъ, сказалъ, что по его мнѣнію, наше предпріятіе обречено было на неудачу, такъ какъ совѣтскіе пограничные посты войскъ Г. П. У., замѣтивъ нашъ уходъ, телеграфируютъ Штабу Флота въ Севастополь; Штабъ же дастъ телеграмму на Тендру. Оттуда вышлютъ за нами въ погоню два быстроходныхъ миноносца, которые насъ и обнаружатъ.

На это мы возразили, что живыми въ руки большевиковъ не дадимся и судна также не вернемъ. Мы пояснили затѣмъ, что въ случаѣ неудачи, «Утришъ» будетъ нами зажженъ и потопленъ.

Послѣднее наше заявленіе еще болѣе обезкуражило капитана и помощниковъ. Но и поѣздка въ Варну имъ мало улыбалась.

Де-Тиллотъ спросилъ, есть ли на суднѣ провизія и въ какомъ количествѣ. Отвѣтъ, данный капитаномъ, былъ неутѣшителенъ. Съѣстныхъ припасовъ могло хватить на нѣсколько дней, да и то при условіи экономіи. Мы выразили надежду, что, по прибытіи судна въ Болгарію, сов. правительство такъ или иначе съумѣетъ наладить снабженіе команды и пассажировъ. Что же касается насъ, то мы разсчитываемъ, по приходѣ въ Варну, сразу же съѣхать на берегъ.

Разговаривали мы съ администраціей, какъ и со всѣми на суднѣ (за исключеніемъ, конечно, коммунистовъ), съ полной вѣжливостью.

Пробывъ въ каютѣ съ часъ, я поднялся на палубу. Администраціи было разрѣшено выходить по одному человѣку наверхъ, но при условіи, что они ни съ кѣмъ изъ команды и пассажировъ не будутъ вступать въ разговоры.

Ночь прошла спокойно. Никто изъ насъ не смыкалъ глазъ. Наверху были только мы одни. Капитанъ съ помощниками находились въ каютѣ, мотористы при моторѣ, остальная команда и пассажиры — въ трюмѣ и только вахтенный рулевой стоялъ у штурвала, находясь въ зонѣ моего наблюденія.

Пассажирамъ и командѣ спустили въ трюмъ постельныя принадлежности и разрѣшили зажечь свѣтъ. Сверху трюмъ былъ накрытъ досками и брезентомъ. Находившимся въ немъ разрѣшили выходить по

одному человѣку на верхъ, всякій разъ съ нашего на то разрѣшенія. Всѣмъ, однако, дано было понять, что малѣйшее неповиновеніе повлечетъ за собой безпощадную кару.

При провѣркѣ курса судна мнѣ приходилось дѣлать замѣчанія рулевымъ, допускавшимъ значительныя отклоненія компасной стрѣлки. Всякій разъ, когда на вахтѣ стоялъ профуполномоченный, амплитуда этихъ отклоненій превышала 5 градусовъ и почти всегда вправо. По моему мнѣнію рулевой хотѣлъ что-бы мы попали въ Румынію. Дошло до того, что я пригрозилъ ему наганомъ. Съ этого момента амплитуда отклоненій сильно уменьшилась.

Итакъ, я наблюдалъ за вахтеннымъ рулевымъ и капитанской каютой, а также время отъ времени провѣрялъ компасный курсъ. На капитанскомъ мостикѣ имѣлся еще одинъ компасъ, но имъ не пользовались, такъ какъ онъ былъ неисправенъ.

Де-Тиллотъ, К-въ и М-ръ находились преимущественно на капитанскомъ мостикѣ. Остальные были на шканцахъ и на бакѣ.

Во время пути мы неоднократно всматривались въ горизонтъ, но ничего подозрительнаго не обнаруживали. Прекрасные судовые бинокли Цейса вѣрно намъ служили.

Въ трюмѣ произошелъ тѣмъ временемъ слѣдующій случай. Бывшіе тамъ обнаружили исчезновеніе находившагося среди нихъ кока. Всѣ недоумѣвали, куда онъ могъ провалиться. Высказывались различныя предположенія;. его окликали, искали, но безуспѣшно. Передъ разсвѣтомъ мы громко отдали распоряженіе исчезнувшему коку немедленно подняться наверхъ и готовить пищу. Повторять приказанія не пришлось. Кокъ вдругъ появился въ трюмѣ столь же загадочно, какъ и исчезъ, и не отвѣчая на разспросы окружившихъ его матросовъ и пассажировъ, стремглавъ помчался исполнять приказаніе.

Потомъ выяснилось, что, послѣ того, какъ всѣхъ спустили въ трюмъ, кокъ, желая спрятаться подальше отъ непредвидѣнныхъ имъ судовыхъ событій, сорвалъ доски съ ящика, въ которомъ были упакованы смоляные тросы, накрылъ себя тѣми же досками и мирно проспалъ въ ящикѣ всю ночь. Бѣдняга вылѣзъ оттуда мокрымъ и грязнымъ. На подтруниванія окружающихъ онъ, полный сознаніемъ своей правоты, не обращалъ никакого вниманія.

Между тѣмъ Джонъ, не ѣвшій, какъ и всѣ мы, предыдущіе сутки, еще съ вечера началъ впадать въ черную меланхолію. Почувствовавъ себя господиномъ положенія и случайно занявъ боевую позицію въ непосредственной близости къ камбузу, Джонъ былъ пріятно удивленъ такимъ сосѣдствомъ. Его изобрѣтательный умъ немедленно придумалъ меню, соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ. Нужно замѣтить, что отсутствіемъ аппетита онъ никогда не страдалъ. Держа наготовѣ единственное, имѣвшееся въ его распоряженіи оружіе — финскій ножъ и

время отъ времени воинственно имъ помахивая, причемъ ножъ блестѣлъ въ сумеркахъ наступавшаго утра, Джонъ внушалъ суетившемуся коку непреодолимый страхъ. Кокъ старался во всю, выказывая свое усердіе въ полной мѣрѣ. Время отъ времени Джонъ спрашивалъ: «Скоро?» Энергія кока удесятерялась и онъ подобострастно-почтительно выкрикивалъ: — «Есть! Такъ точно! Сію минуту!», хотя ничего еще не было готово. Послѣ небольшой паузы слышался новый, болѣе суровый окрикъ Джона: «Если готово, то почему не подаешь?» Кокъ, цѣпенѣя отъ ужаса, съ прилипшимъ къ гортани языкомъ, носился какъ вихрь, доведя скорость своихъ движеній до нечеловѣческихъ предѣловъ. — «Что ты мечешься, точно угорѣлый», замѣчалъ Джонъ, — «вѣдь толку отъ этого немного». — «Но что же мнѣ дѣлать»?! — восклицалъ въ отчаяніи кокъ, — «вѣдь я стараюсь изо всѣхъ силъ». — «Ты у меня поговори еще, я тебѣ покажу, что дѣлать, бездѣльникъ. Будешь доволенъ».

Было уже свѣтло, когда пища была наконецъ готова. Всѣ мы набросились на ѣду съ жадностью голодныхъ волковъ. Лицо Джона прояснилось. Онъ оказался вполнѣ на высотѣ положенія и своимъ чудовищнымъ аппетитомъ удивилъ даже насъ, знавшихъ объ этой его слабости. Кокъ хлопоталъ попрежнему, прислуживая намъ съ величайшей охотой и предупредительностью. Когда одинъ изъ насъ оканчивалъ ѣсть, онъ почему-то говорилъ: — «мерси».

Начало дня не предвѣщало хорошей погоды. Мгла держалась попрежнему, но вскорѣ задулъ легкій вѣтерокъ, и туманъ сталъ разсѣиваться. Блеснули первые лучи солнца. Стало суше и теплѣе, но вѣтеръ все болѣе и болѣе свѣжелъ. Бѣлые гребешки волнъ виднѣлись повсюду. Вокругъ судна, шедшаго полнымъ ходомъ, рѣзвились дельфины.

За арестованными попрежнему строго наблюдали.

Ясная погода, однако, безпокоила насъ, такъ какъ опасность погони не миновала. Размышляю на эту тему. Весьма вѣроятно, что большевики, дѣйствительно послали за нами въ погоню два быстроходныхъ миноносца, — все, что они могли, по нашему предположенію, тогда сдѣлать (остальные миноносцы были тихоходны). Но вотъ вопросъ, успѣетъ ли погоня насъ настигнуть, если большевики разгадаютъ нашъ планъ и пойдутъ на пересѣчку нашего курса?

«Утришъ» по распоряженію долженъ былъ придти въ Хорлы въ 6 ч. утра. Такъ какъ судно заходитъ въ Акъ-Мечеть только при наличіи пассажировъ или груза, то тамъ, неприбытіе его къ указанному по расписанію сроку подозрѣній не вызоветъ. Въ 6 ч. утра судна въ Хорлахъ нѣтъ. Ждутъ часъ, другой. Часовъ въ 8 утра запрашиваютъ Евпаторію и Акъ-Мечеть. Евпаторія отвѣчаетъ: «Утришъ» вышелъ около 5-ти час. дня». Акъ-Мечеть — «судно не пришло». Возникаютъ первыя подозрѣнія. Ждутъ еще короткое время, а затѣмъ о происшедшемъ сообщаютъ въ Севастополь. Тамъ тревога. Рѣшаютъ, что съ судномъ что-то неладное.

Начморси (н-ку морскихъ силъ) приказываютъ отправить на поиски «Утриша» миноносцы. Ихъ срочно вызываютъ съ Тендровской косы. Миноносцы могли выйти не ранѣе 12-ти часовъ дня, т. е. спустя 15 час. послѣ захвата судна. Времени у нихъ на поиски насъ оказывается достаточно.

Стараясь отогнать невеселыя мысли, я подошелъ къ Гарри и началъ съ нимъ бесѣду на отвлеченныя темы.

Гарри и Джонъ. Назвали мы ихъ такъ потому, что оба въ совершенствѣ изучили англійскій языкъ и являлись поклонниками всего англійскаго. Гарри немного идеалистъ, Джонъ чуть-чуть матеріалистъ. Гарри слегка сентименталенъ. Джонъ чуждъ этого. Гарри отмѣнно вѣжливъ, Джонъ-же — въ мѣрѣ, свойственой русскимъ людямъ. Гарри дипломатъ, Джонъ предпочитаетъ политику прямыхъ дѣйствій.

Теперь два слова о де-Тиллотѣ. Для осуществленія задуманнаго нами дѣла нужны были выдержка, боевой опытъ и крѣпкіе нервы. Де-Тиллотъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ эти качества.

Остальныя дѣйствующія лица описываемыхъ событій, въ свою очередь старались какъ можно лучше выполнить возложенныя на нихъ обстановкой боевыя задачи.

День пролетѣлъ незамѣтно. Тревога насъ не покидала до захода солнца. Къ вечеру задулъ нордъ-остъ. Съ наступленіемъ темноты, огни были вновь зажжены, и судно, прошедшее къ тому времени большую часть пути, стало приближаться къ берегамъ Болгаріи. Вѣтеръ, между тѣмъ, переходилъ въ штормовый. Нѣкоторые изъ насъ начинали чувствовать себя скверно, въ особенности де-Тиллотъ; я еще крѣпился. Сказывалось то, что мы не моряки. Положеніе становилось серьезнымъ. Всѣ мы еще держались на ногахъ, но нѣкоторые вотъ-вотъ должны были свалиться.

— «Если мы укачаемся, то матросы заберутъ насъ голыми руками» подумалъ я. Когда я высказалъ свои опасенія де-Тиллоту, онъ заявилъ: «Что касается меня, то я буду стрѣлять и лежа».

Часовъ около 8-ми вечера открылись два маяка — слѣва болгарскій и немного вправо румынскій, оказавшійся Каліакріей. Мы знали, что радіусъ ихъ дѣйствія простирается до 30-ти миль.

Вотъ и за-граница. Двѣ маленькихъ свѣтлыхъ точки на темномъ, почти черномъ горизонтѣ. Не свѣтъ даже, а подобіе его, какой-то слабый отблескъ. Вокругъ бурное море, штормовой вѣтеръ и качка, проклятая, нестерпимая качка, которая ослабляетъ энергію, мысль и даже чувство самосохраненія. Наше счастье, что мы идемъ по вѣтру; въ противномъ случаѣ волны, выросшія до чудовищныхъ размѣровъ, залили бы судно.

Мы бродимъ какъ тѣни. У Джона давно исчезли присущіе ему юморъ и аппетитъ, и онъ оставилъ кока въ покоѣ. П-въ безцѣльно слоняется по палубѣ вмѣстѣ съ Гарри. Де-Тиллотъ лежитъ уже въ кубрикѣ. Съ К-вымъ

и М-ромъ также, вѣроятно, не все благополучно; по крайней мѣрѣ, на палубѣ ихъ не видно. Одинъ А-въ чувствуетъ себя хорошо, и стоя на капитанскомъ мостикѣ, задумчиво смотритъ на разыгравшуюся стихію.

Подошелъ П-въ. — «Коля, де-Тиллоту лучше?» — спросилъ я. — «Какое тамъ лучше; валяется по прежнему», — былъ отвѣтъ. — «Ну, а какъ ты чувствуешь себя?» — «Скверно», а ты?» — «Я также».

На палубѣ показались М-ръ и К-въ. Они возбужденно о чемъ то говорили. Вскорѣ къ нимъ присоединился де-Тиллотъ. Что-то, несомнѣнно произошло. Въ чемъ дѣло? — «Команда ненадежна», — отвѣтилъ де-Тиллотъ, — «хотятъ взбунтоваться». — «Кто передалъ»? — «Добровольская».

Строгости были удвоены. Никого изъ арестованныхъ, за исключеніемъ женщинъ, ни подъ какимъ предлогомъ не пускали наверхъ. За неповиновеніе пригрозили немедленной расправой.

Проходя мимо трюма, я услышалъ за собою какой-то скрипъ. Мальчишка-комсомолецъ пріоткрылъ оконце моторнаго помѣщенія и наблюдалъ за мною. «Закрой или застрѣлю, какъ собаку». Тотъ медлилъ. Я поднялъ револьверъ и прицѣлился. Ставня закрылась.

Я поднесъ къ глазамъ бинокль и сталъ всматриваться вдаль. Картина была поистинѣ феерическая. Въ оранжево-желтыхъ отблескахъ гребней черныхъ валовъ было что-то зловѣщее. Свѣтъ маяковъ слѣпилъ глаза. Жуткое впечатлѣніе производила пустынная палуба судна, на которомъ, кромѣ меня, рулевого и двоихъ нашихъ, не было ни души. Почувствовавъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ, я обернулся. Рулевой тотчасъ же отвелъ глаза и съ подчеркнутымъ вниманіемъ сталъ всматриваться въ компасъ. Я поднялся на мостикъ и, пробывъ тамъ нѣкоторое время, спустился внизъ. Шелъ осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрой палубѣ.

Вдругъ слѣва по носу показались какіе-то огни. На большомъ отдаленіи отъ насъ, пересѣкая нашъ курсъ двигалась слѣва направо, полоса свѣта. Вѣроятно, это былъ пассажирскій пароходъ, шедшій изъ Константинополя въ Констанцу. Вскорѣ пароходъ скрылся.

Въ это время капитанъ неожиданно поставилъ насъ въ извѣстность, что къ Варнѣ не пойдетъ. Свое рѣшеніе онъ мотивировалъ тремя соображеніями: 1. Изъ за шторма опасно положить лѣво руля и стать лагомъ къ волнѣ; 2. Возможно, что около Варны расположены минныя поля, мѣстонахожденіе которыхъ ему не извѣстно; 3. Недалеко отъ Варны имѣются подводные камни, гдѣ въ свое вермя погибли многія русскія суда: «Колхида», «Петръ Великій»», одинъ миноносецъ и др. Капитанъ, по его словамъ, считалъ себя не вправѣ вести людей и судно на вѣрную гибель. Онъ и его помощники умоляли насъ идти къ румынскому мысу Каліакрія, чтобы отстояться тамъ, пока не утихнетъ буря. Они уговаривали насъ сдѣлать затѣмъ оставшіяся отъ Каліакріи до Варны 18 миль на судо-

вой шлюпкѣ. Сами же они предполагали въ этомъ случаѣ вернуться въ сов. Россію.

Отказъ капитана заставилъ насъ призадуматься. Разстрѣливать его не хотѣлось, да и нельзя было отказать въ вѣскости приведенныхъ имъ доводовъ. Съ другой стороны, мы не желали итти въ Румынію, въ силу приведенныхъ выше соображеній.

Мнѣнія среди насъ раздѣлиились, но большинство все же склонялось къ тому, чтобы послѣдовать совѣту капитана и итти къ румынскимъ берегамъ. На просьбу дойти оттуда до Варны на шлюпкѣ, мы также отвѣтили согласіемъ. Мы опасались, какъ бы доведенная до отчаянія команда, страшно боявшаяся Болгаріи (особенно коммунисты), не испортила намъ мотора.

У БЕРЕГОВЪ РУМЫНИИ

«Утришъ» немного взялъ вправо. Каліакрскій маякъ приближался. Вскорѣ все пространство вокругъ было ярко освѣщено. Буря при такомъ освѣщеніи казалась еще болѣе грозной и величественной. Огромные валы безпрепятствено налетали на насъ и ихъ гребни захлестывали палубу. Звенѣла разбитая посуда въ камбузѣ. Изнутри судна доносились шумъ и грохотъ летавшихъ тамъ всевозможныхъ предметовъ, отъ палубныхъ щетокъ до кока включительно. Корабль содрагался; снасти скрипѣли. Вскорѣ маякъ оказался на правомъ траверзѣ, и мы, огибая мысъ, стали входить въ небольшой, защищенный отъ нордъ-оста заливъ. Вѣтеръ сразу стихъ, но зыбь почему то усилилась, перейдя въ мертвую.

При подходѣ къ заливу всѣ огни были потушены.

Рискъ былъ большой. Если бы румыны замѣтили нашъ приходъ, то, несомнѣнно, ихъ береговая охрана постаралась бы насъ задержать или по крайней мѣрѣ, обстрѣляла бы судно. Къ счастью этого не случилось. Румынская пограничная стража оказалась не бдительнѣе пограничныхъ постовъ Г. П. У.

«Утришъ» бросилъ якорь въ одной милѣ отъ берега. Было около полуночи. Администрація и команда стали ждать исполненія нашего обѣщанія, но мы и не думали садиться въ шлюпку. У насъ имѣлись свѣдѣнія, что въ случаѣ нашей посадки команда намѣрена таранить насъ судномъ. Моментъ былъ тревожный. Необходимо было дѣйствовать рѣшительно.

Сказано было такъ, чтобы всѣ слышали, что, если старшій мотористъ откажется на разсвѣтѣ завести моторъ, о чемъ онъ въ припадкѣ отчаянія заявилъ, когда становились на якорь, то сначала будетъ разстрѣлянъ профуполномоченный, а затѣмъ и самъ мотористъ. Чтобы окончательно подѣйствовать на этихъ двухъ коммунистовъ, мы заперли ихъ въ одной изъ каютъ. Я ихъ стерегъ. Профуполномоченный — дѣтина са-

женнаго роста, съ бычачьей шеей и косматыми руками гориллы, стоя на колѣняхъ и плача, просилъ пощадить его. Ст. мотористъ умолялъ насъ подумать объ ихъ семьяхъ. Де-Тиллотъ отвѣтилъ: — «А вы, коммунисты, думали о семьяхъ, когда разстрѣливали офицеровъ въ 1920 году?»

Тѣмъ не менѣе черезъ нѣкоторое время положеніе наше стало критическимъ. Наверху находился только А-въ, вооруженный двумя револьверами, на котораго качка не дѣйствовала; мы же всѣ укачались и лежали въ кубрикѣ.

Нужно замѣтить, что траппъ изъ кубрика на палубу былъ крутъ и узокъ. Если бы команда покончила наверху съ А-вымъ, то наша пѣсенка была бы спѣта.

Внезапно мы услышали сверху протяжный вопль: — а. . . а. . .

Сознаніе опасности вернуло намъ силы, и мы, схвативъ револьверы, бросились наверхъ. Тревога оказалась напрасной. Стошнило одного изъ пассажировъ въ трюмѣ. Этотъ случай встряхнулъ насъ, и мы почувствовали себя лучше. Вскорѣ качка стала уменьшаться. Конечно, если бы команда своевременно узнала о нашемъ безпомощномъ положеніи, то воспользовалась бы этимъ. Что произошло бы тогда — трудно сказать. Сомнительно, чтобы А-въ, аттакованный одновременно съ разныхъ сторонъ, вышелъ побѣдителемъ изъ слишкомъ неравнаго боя.

Въ 2 ч. 30 м. утра старшій мотористъ былъ освобожденъ (профуполномоченный остался подъ арестомъ) и получилъ приказаніе приготовить моторъ. Въ 3 ч. 10 мин. мы снялись съ якоря и пошли вдоль румынскаго берега къ Варнѣ. Наступилъ моментъ, когда капитану должны были быть вручены всѣ полномочія по дальнѣйшему веденія судна. Этого требовала обстановка. Какъ выше было упомянуто, входъ въ Варненскую бухту могъ быть минированъ. Кромѣ того «Утришъ» могъ сѣсть на рифы.

Стоя рядомъ со мной, капитанъ вдругъ съ живостью обернулся: — «ну вотъ вы, напримѣръ. Судно въ вашихъ рукахъ. Зачѣмъ вы угрожаете мнѣ револьверомъ?! Хотите меня застрѣлить, что ли? Вѣдь я вамъ не опасенъ». — «Нисколько не опасны, г-нъ капитанъ», — отвѣтилъ я, — «но около насъ въ каютѣ сидитъ профуполномоченный». — «Въ такомъ случаѣ извините меня».

Разсвѣтало. Прошли румыно-болгарскую границу. Вдали показался входъ въ Варненскую бухту.

ВАРНА

Невозможно передать словами то особенное настроеніе, которое овладѣло всѣми нами въ ту минуту. Страна рабства, ужаса и крови осталась позади. Неустройства береговой службы пограничной охраны войскъ Г. П. У., халатность «товарищей», халатность самодовольныхъ,

чувствующихъ себя безнаказанными совѣтскихъ убійцъ, дали возможность вырваться изъ ада на свѣтъ Божій намъ, ихъ заклятымъ врагамъ. Мы не были, какъ утверждаютъ большевики «бѣлогвардейской бандой». Трое изъ насъ служили солдатами въ Бѣлой Арміи, всѣ же остальные въ ней не были; трое дезертировали изъ Красной арміи и явились на «Утришъ» въ день его выхода въ море, въ полномъ красноармейскомъ снаряженіи.

Теперь уже поздно, господа «защитники» угнетеннаго народа, создатели новой «счастливой» Россіи, нѣтъ — С. С. С. Р., простите. «Утришъ» въ территоріальныхъ водахъ Болгаріи. Нахмурятся ваши рожи, товарищи комиссары, когда узнаете, что нѣсколько граждан «Свободной Республики» совершили внѣочередной, столь рѣдкій рейсъ въ запрещенныя страны и что граждане эти не агенты 3-го Интернаціонала, не сотрудники Г. П. У., не умирающіе больные или 70-ти лѣтнія старушки, а молодые, здоровые русскіе, прежде всего, русскіе люди. Да и кораблика жаль. Не такъ ужъ ихъ много въ вашемъ распоряженіи.

До Варны оставалось 2-3 мили.

Всѣмъ находившимся на суднѣ разрѣшено было выйти наверхъ, чѣмъ большинство и воспользовалось немедленно. Изъ сигнальныхъ флаговъ былъ сшитъ Русскій Трехцвѣтный флагъ, и по командѣ де-Тиллота поднятъ согласно морскимъ правиламъ.

При входѣ въ Варненскую бухту насъ нѣсколько разъ окликало сторожевое судно, но мы этихъ окликовъ не слышали. «Утришъ» отдалъ якорь посрединѣ бухты 15-го мая 1925 г. около 5 ч. 30 м. утра.

Невольно бросились въ глаза тысячи разноцвѣтныхъ флаговъ на судахъ, стоявшихъ на рейдѣ. Замѣтили среди нихъ два русскихъ. Какой-то шутникъ изъ нашихъ высказалъ предположеніе, что болгары приготовили намъ торжественную встрѣчу, и, дѣйствительно, съ набережной и изъ города доносились звуки музыки и радостные крики, переходившіе время отъ времени въ громовое ура. Былъ день тезоименитства болгарскаго царя Бориса.

Отъ сторожевого судна отвалила шлюпка и приблизилась къ намъ. Насъ спросили о чемъ то по болгарски. Мы ни слова не поняли, но догадались, что спрашиваютъ, кто мы и откуда. Мы отвѣтили, что прибыли изъ Севастополя. Шлюпка пошла къ берегу. Немедленно вслѣдъ за этимъ мы приказали опустить четверку, въ которую сѣли де-Тиллотъ, я, М-ръ и К-въ. Пошли къ берегу. Тамъ къ этому времени собралась громадная толпа, которую съ трудомъ сдерживала цѣпь полицейскихъ. Мы подошли къ домику коменданта порта, но высадиться намъ не позволили (въ то время въ Болгаріи, послѣ взрыва церкви Св. Недѣли, было введено осадное положеніе).

Комендантъ порта рѣзко спросилъ насъ: «Откуда судно»? — «Изъ Севастополя». — «Судно совѣтское»? — «Было. Теперь русское». —

«Былъ у васъ карантинный врачъ»? — «Нѣтъ». — «Что же вы не знаете морскихъ порядковъ, что ли? Вѣдь съ судна, пришедшаго изъ заграницы, и не осмотрѣннаго карантиннымъ врачемъ, никто не можетъ сойти на берегъ». — «Мы не моряки и морскихъ порядковъ не знаемъ». — «Не разговаривайте. Идите назадъ».

Мы пошли обратно къ судну. Настроеніе у насъ было невеселое. Самыя горькія мысли приходили въ голову.

Что же будетъ дальше? Неужели насъ приняли за подосланныхъ большевиками агентовъ или просто за пиратовъ. Тогда намъ пощады не будетъ. Но нѣтъ, не можетъ быть. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, справедливость? Вѣдь находятся же здѣсь части Русской Арміи ген. Врангеля, а если это такъ, то, безъ сомнѣнія, въ Варнѣ имѣются представители Главнаго Командованія. Не думаю, чтобы могла пропасть телеграмма, посланная мною 2-го мая. Если же она дошла по назначенію, то результаты этого не замедлятъ сказаться.

Какъ бы то ни было, но очевидно, что положеніе создалось чрезвычайно серьезное. Уже одинъ фактъ грубаго тона коменданта въ разговорѣ съ нами удручающе на насъ подѣйствовалъ. Необходимо во что бы то ни стало настаивать на томъ, чтобы намъ разрѣшили увидѣться съ представителями Главнаго Командованія или, по крайней мѣрѣ, позволили бы намъ переговорить съ уполномоченнымъ мѣстныхъ русскихъ политическихъ организацій. Въ противномъ случаѣ мы погибли.

Подойдя къ «Утришу», поднялись на палубу, сдали четверку на бакштовъ и стали выжидать дальнѣйшихъ событій. Сообщили нашимъ друзьямъ, оставшимся на суднѣ, о разговорѣ съ комендантомъ. Они также пріуныли. Команда съ удивленіемъ на насъ поглядывала. Матросы думали, что насъ встрѣтятъ на берегу нѣсколько иначе.

Въ скоромъ времени отъ берега отвалило нѣсколько шлюпокъ съ вооруженными офицерами и матросами. Въ одной изъ нихъ находились комендантъ порта и карантинный врачъ. Пришвартовались. Поднялись на палубу. Съ удивленіемъ смотрѣли они на группу вооруженныхъ молодыхъ людей въ чужой формѣ, стоявшихъ на ютѣ.

«Кто здѣсь капитанъ»? — спросилъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ комендантъ порта, высокій представительный мужчина среднихъ лѣтъ, искоса на насъ поглядывая. Капитанъ «Утриша» подошелъ. «Какимъ образомъ и для чего совѣтское судно, подъ русскимъ флагомъ прибыло въ Болгарію»? Капитанъ, горячо жестикулируя, сталъ излагать суть дѣла. Мы со стороны наблюдали за выраженіемъ лица коменданта. Къ нашему немалому удовольствію лицо его постепенно проясняясь, расплылось въ широкую улыбку.

Не дослушавъ капитана, онъ подошелъ къ намъ и спросилъ: «Это вы, господа, захватили судно»? Мы отвѣтили утвердительно, послѣ чего комендантъ сталъ весьма любезенъ, но между прочимъ сказалъ, что въ Бол-

гаріи коммунистовъ безпощадно вѣшаютъ. При этихъ словахъ лица коммунистовъ побѣлѣли; на насъ же это обстоятельство произвело самое лучшее впечатлѣніе. Наконецъ то мы нашли страну, гдѣ съ коммунистами не церемонятся.

«Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ исторіи Болгаріи», продолжалъ комендантъ; «40 лѣтъ тому назадъ, болгарскій патріотъ Христо Ботевъ завладѣлъ вражескимъ судномъ и привелъ его въ Болгарію. Эпизодъ съ вами — второй такой случай. Оружіе, господа, при васъ»? — «Да». — «Будьте добры его сдать». Комендантъ полк. Мишинъ отлично владѣлъ русскимъ языкомъ, такъ какъ долгое время прожилъ въ Россіи, гдѣ окончилъ Морской кадетскій корпусъ.

Полицейскій чиновникъ предложилъ намъ сдать оружіе и документы, что мы и исполнили. Сдача происходила на бакѣ. Болгары съ любопытствомъ осматривали наши разнокалиберные револьверы и разсмѣялись, когда Джонъ вручилъ имъ свой ножъ, а Гарри револьверъ съ однимъ патрономъ.

Насъ и наши вещи обыскали. На суднѣ также былъ произведенъ повальный обыскъ.

Стоя на бакѣ, я вдругъ услышалъ веселый смѣхъ. Оказалось, что въ трюмѣ болгары нашли громадную красную звѣзду, сажени полторы въ поперечникѣ, сдѣланную изъ дерева (звѣзда эта выставлялась и иллюминировалась во время совѣтскихъ праздниковъ). При общемъ хохотѣ, ее спустили въ шлюпку и свезли на берегъ.

Послѣ обыска, болгары оставили всѣхъ на суднѣ. На капитанскій мостикъ поставили часового. Съ мотора сняли форсунки. Комендантъ порта сказалъ, что о насъ будутъ наведены справки и, если окажется, что мы тѣ, за кого себя выдаемъ, то насъ освободятъ и спустятъ на берегъ. Документы намъ обѣщали вскорѣ вернуть (мы ихъ получили черезъ три недѣли).

Карантинный врачъ не сталъ насъ осматривать, послѣ того, какъ узналъ, что на суднѣ больныхъ нѣтъ.

Мы попросили коменданта сообщить о нашемъ прибытіи русскимъ военнымъ представителямъ, что онъ и обѣщалъ сдѣлать. Вскорѣ болгары сѣли въ шлюпки и ушли.

Началось томительное 17-ти дневное сидѣніе на «Утришѣ». На берегъ никого не пускали. Мы расположились въ трюмѣ, съ пассажирами; команда снова заняла кубрикъ.

На слѣдующій день послѣ нашего прибытія, къ намъ пріѣхали представители штаба 1-го Армейскаго корпуса Русской Арміи, полковники Р-въ и С-въ. Разспросивъ насъ обо всемъ подробно и выяснивъ наши нужды, они обѣщали принять всѣ мѣры къ скорѣйшей нашей реабилитаціи и освобожденію.

Тѣмъ временемъ наши отношенія съ командой все болѣе и болѣе

обострялись. Были два случая покушенія на жизнь де-Тиллота. Въ первый разъ съ фокъ-мачты непонятнымъ образомъ сорвался блокъ и задѣлъ де-Тилотта по плечу, не причинивъ, къ счастью, вреда. Работавшій въ тотъ моментъ на мачтѣ матросъ объяснилъ происшедшее несчастной случайностью. Въ другой разъ, рядомъ со спавшимъ въ трюмѣ де-Тиллотомъ упалъ сверху топоръ.

На слѣдующее утро, послѣ второго покушенія, мы заявили о происходящемъ навѣстившему насъ русскому штабъ-офицеру. Онъ немедленно приказалъ командѣ собраться на правыхъ шканцахъ и сказалъ, обращаясь къ собравшимся: «Слушайте, вы всѣ, — если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы кого-либо изъ этихъ молодыхъ людей, никто изъ васъ домой не вернется. Здѣсь вамъ не сов. Россія, а Болгарія».

Предупрежденіе было сдѣлано во время, такъ какъ до насъ доходили слухи, что команда ищетъ удобнаго случая, чтобы съ нами расправиться. Съ того же дня покушенія прекратились.

Дни проходили. «Утришъ» иногда швартовался у пристани для пополненія запасовъ питьевой воды. Къ судну подходила болгарская охрана и полицейскіе чиновники, которые въ эти моменты съ особенной бдительностью наблюдали за всѣми, находившимися на «Утришѣ». Никого изъ посторонней публики на пристань тогда не пускали. Однажды, болгарскій чиновникъ спросилъ капитана «Утриша»: — «неужели васъ захватили 8 человѣкъ»? — «Какъ видите», — отвѣтилъ капитанъ, и подумавъ немного, прибавилъ: «бандиты привели». — «Значитъ, не только у насъ имѣются бандиты, которые соборы взрываютъ (намекъ на взрывъ коммунистами церкви Св. Недѣля, въ Софіи), но и у васъ есть»? — Капитанъ ничего не отвѣтилъ.

Ежедневно намъ доставлялась съ берега свѣжая провизія. Хотя отношенія наши съ командой были болѣе, чѣмъ натянутыя, кокъ попрежнему трепеталъ при видѣ Джона и безпрекословно его слушался. Это обстоятельство не могло не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на нашемъ столѣ.

Однажды Джонъ спустился въ трюмъ крайне раздосадованный. На нашъ вопросъ, въ чемъ дѣло, онъ хмуро отвѣтилъ: «кокъ зазнался. Когда я велѣлъ ему готовить скорѣе, онъ сказалъ: «подождете». Мы стали надъ Джономъ подтрунивать. Онъ вспылилъ: «если кокъ сказалъ это мнѣ, то интересно, что онъ вамъ скажетъ». На это мы ничего не могли ему возразить. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что незадолго передъ этимъ Джонъ имѣлъ неосторожность использовать для варки грязнаго бѣлья чистое кухонное ведро. Этого кокъ стерпѣть не могъ. И, дѣйствительно, мы вспомнили раздававшіеся сверху нѣсколькими днями ранѣе, чьи то брань и крики.

Время тянулось томительно медленно.

По вечерамъ мы собирались въ кружокъ и пѣли хоромъ пѣсни

Бѣлой Арміи. М-ръ и А-въ были хорошими тенорами, Джонъ обладалъ недурнымъ басомъ. Коммунисты не скрывали своего неудовольствія, но мы не обращали на нихъ никакого вниманія.

Почти ежедневно пріѣзжали съ берега полицейскіе чиновники и производили допросъ. Наши друзья изъ Русской Арміи часто насъ навѣщали. Несмотря на всѣ ихъ хлопоты, положеніе наше продолжало оставаться неяснымъ. Намъ даже было сообщено, что не исключена возможность высылки насъ обратно въ сов. Россію. Поневолѣ надежды смѣнялись отчаяніемъ.

Мало по малу, однако, у насъ стало складываться убѣжденіе, что дѣло все же будетъ рѣшено въ нашу пользу. Къ этому заключенію мы пришли вслѣдствіе становившагося все болѣе и болѣе внимательнаго отношенія къ намъ болгарскихъ властей.

Нетрудно, поэтому, понять наши переживанія въ день полученія изъ Софіи распоряженія выслать насъ въ сов. Россію. Итакъ, смерть насъ стерегла по всюду. Что-жъ умирать, такъ умирать. Но не развѣваться больше на «Утришѣ» позорящей Черное море красной совѣтской тряпкѣ. Рѣшено было зажечь судно, самимъ же броситься въ море и попытаться вплавь достичь берега. Въ распоряженіи оставшихся на суднѣ была бы достаточно вмѣстительная судовая шлюпка.

Только тогда, въ тѣ страшныя, незабываемыя минуты, вполнѣ осознали мы то, отъ чего ушли, и что намъ вновь грозило, и что на этотъ разъ ужъ было бы неизбѣжно,— попади мы снова туда, гдѣ тысячи подваловъ Чека сотенъ, многихъ сотенъ городовъ, селъ и деревень хранятъ вопіющія, кошмарныя тайны совершенныхъ въ нихъ злодѣяній.

Большихъ усилій стоило Штабу корпуса Русской Арміи добиться отмѣны распоряженія, приговаривавшаго насъ къ смерти.

Позже мы узнали, что въ нашей судьбѣ приняли живое и дѣятельное участіе М. М. Ѳедоровъ, болгарскій посолъ въ Парижѣ г-нъ Морфовъ, генералъ отъ кавалеріи Шатиловъ, русскій представитель въ королевствѣ С. Х. С. г-нъ Штрандманъ и, впослѣдствіи, нѣкоторыя другія лица. Ихъ вмѣшательство не замедлило произвести самое благопріятное впечатлѣніе въ болгарскихъ правительственныхъ кругахъ.

Мы были спущены на берегъ 1-го іюня 1925 г. и получили право свободнаго жительства въ Болгаріи.

Всѣмъ, содѣйствовавшимъ нашему освобожденію, отъ насъ, утришцевъ, русское спасибо и сердечный привѣтъ.

Спустя пять дней были освобождены и г-жа Добровольская съ дочерью. Изъ оставшихся на суднѣ первыми были отправлены въ сов. Россію пассажиры. Администрація и команда «Утриша» вернулись къ себѣ только въ январѣ мѣсяцѣ 1926 г.

«Утришъ» остался въ Болгаріи.

Курьезная деталь. Начальникъ гарнизона Варны, изрѣдка насъ

навѣщавшій на «Утришѣ», въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ сообщилъ, что, такъ какъ у насъ нѣтъ денегъ, то мы будемъ первое время довольствоваться за счетъ суммъ константинопольскаго полпредства. Мы отвѣтили, что не желаемъ отъ большевиковъ брать ничего; когда же намъ что либо понадобится, то возьмемъ у нихъ сами, не спрашивая.

Начальникъ гарнизона остался весьма доволенъ такимъ отвѣтомъ и сказалъ, что выяснитъ вопросъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Въ скоромъ времени намъ сообщили, что болгарское правительство довольствуетъ насъ за свой счетъ.

Потомъ ужъ оказалось, что насъ все же какимъ то непонятнымъ для насъ образомъ кормили на совѣтскія деньги. Ѣли мы не плохо.

Впослѣдствіи мы не разъ задавали себѣ вопросъ, была ли большевиками послана за нами погоня? Отвѣтъ на него мы прочли въ московской «Правдѣ»: «Съ возникновеніемъ опасенія за судьбу парохода «Утришъ», вышедшаго изъ Евпаторіи въ Одессу и не прибывшаго на мѣсто назначенія, изъ Одессы вылетѣли два гидроплана на поиски. Неожиданно у одного гидроплана остановился пропеллеръ, и онъ спустился на воду. Въ моторѣ возникъ пожаръ. Вѣтромъ гидропланъ отнесло отъ береговъ. Девять сутокъ летчики находились въ гондолѣ гидроплана на краю гибели и потеряли надежду на спасеніе. По счастливой случайности на десятыя сутки ихъ прибило къ карабашскимъ берегамъ. Судьба второго гидроплана неизвѣстна».

Въ Болгаріи мы сразу почувствовали себя, какъ на Родинѣ, прежней, далекой, подлинной Россіи. Мы никогда не забудемъ радушія и гостепріимства болгаръ.

Я — въ русской церкви въ Варнѣ. Среди молящихся много чиновъ Арміи ген. Врангеля. Чудное пѣніе хора, въ соединеніи съ воспоминаніями о бурныхъ, недавно пережитыхъ дняхъ, переполняютъ душу неизъяснимымъ умиленіемъ передъ благостью Божественнаго Промысла. Съ поразительной яркостью и отчетливостью встаютъ передо мною образы и картины прошлаго.

Пасхальная ночь въ 1921 г. Всѣ храмы Севастополя полны молящимися. Народу столько что нельзя войти не только въ храмъ или церковный дворикъ, но невозможно даже проникнуть въ близлежащее къ нимъ пространство.

Въ толпѣ много красноармейцевъ, красныхъ командировъ и военныхъ моряковъ. Тутъ же хулиганятъ орды комсомольцевъ, поющихъ богохульныя пѣсни, пристающихъ къ дѣвушкамъ и выкрикивающихъ площадныя ругательства. Въ толпѣ раздаются возгласы негодованія. Какой-то красноармеецъ далъ звонкую оплеуху одному изъ наиболѣе ретивыхъ комсомольцевъ. Точно по сигналу, многіе изъ публики набросились на хулигановъ. Двухъ комсомольцевъ избили; остальные съ отвратительной руганью стали отступать. Вдругъ къ мѣсту происшествія,

раздвигая толпу, подошли трое въ кожанныхъ курткахъ и бархатныхъ кэпи, и попросили слѣдовать за собой двухъ лицъ изъ публики, на которыхъ имъ указали комсомольцы. Пришедшіе хотѣли задержать и красноармейца, но тотъ скрылся. Я помню, какъ поблѣднѣли арестованные и какъ съ подергиваніями на лицѣ они повиновались. Вновь грянулъ комсомольскій хоръ. Кто-то рядомъ со мной истерически крикнулъ: «мерзавцы, душегубы окаянные, безбожники». Я оглянулся; дряхлый старичекъ грозилъ кулакомъ негодямъ. Его также взяли. Съ какой то женщиной сдѣлался припадокъ. Въ изступленіи она выкрикивала проклятія по адресу сов. власти. И ее увели.

Я не выдержалъ и ушелъ.

Подходя къ Владимірскому собору, еще издали услыхалъ площадную брань и дикіе крики. Рабфаковцы устроили шутовское факельное шествіе вокругъ собора и заглушали церковный хоръ звѣриными выкриками. Другая группа ихъ не пускала прихожанъ въ церковь.

Я пошелъ къ Петропавловскому собору. Здѣсь картина иная. Хулигановъ не слышно. Народу очень много, но войти можно. Меня поразило то, что среди молящихся было много сов. военныхъ въ полной формѣ. Десятки красноармейцевъ, моряковъ, командировъ, летчиковъ. Стояли они такъ, чтобы по возможности не быть замѣтными. Рядомъ со мной два красноармейца истово осѣняли себя широкимъ, русскимъ крестнымъ знаменіемъ, а впереди нихъ третій усердно отбивалъ земные поклоны.

Я смотрѣлъ на этихъ людей и думалъ: «вотъ вы, Красная армія, ну что въ васъ «краснаго»? Гдѣ плоды ежедневныхъ, обязательныхъ 3-хъ часовыхъ занятій по политграмотѣ? Лица открытыя, глаза смотрятъ не изподлобья. Обыкновенные русскіе люди, вѣрующіе и безхитростные. Никакая агитація такихъ людей сломить не можетъ, но отсутствіе достаточнаго кругозора въ соединеніи съ пассивностью тяжелой на подъемъ натуры, мѣшаютъ имъ сбросить коммунистическое иго. Но отъ этихъ то людей и падетъ въ свое время сов. власть. День сверженія большевиковъ не за горами. . . Вновь пробудится Бѣлое движеніе, на этотъ разъ стихійное, и Россія спасется.

В. БЕЗРУКОВЪ.

15 декабря 1926 г.

Нанси.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ЦѢНА: 3 ФРАНКА

(съ пересылкой 3 фр. 50 с.).